

Едва слова сорвались с губ, мужчина и сам на мгновение оцепенел.

Маленький чжицин тоже замер от неожиданности. Его глаза, и без того круглые, стали еще больше, и он с нескрываемым изумлением уставился на собеседника:

— Второй брат Гу?

Гу Ли нахмурился, и его тон стал еще более резким и сухим:

— Иди уже.

Ду Юньтин еще пару раз взглянул на него, но затем послушно передал вещи и побрел к хижине. Мужчина остался один. Он молча работал, не переставая задаваться вопросом: что это за странный порыв на него нашел? Однако не успел он прийти к какому-либо выводу, как юноша снова выбежал на улицу, сжимая в руке веер из пальмовых листьев.

— Спасибо тебе, брат, — мягко проговорил он. — Давай я на тебя подую, чтоб не так жарко было.

Ветерок от веера был совсем слабым, но сердце Гу Ли вдруг дрогнуло, и по телу разлилось непривычное тепло. Он покосился на юношу и буркнул:

— Иди посиди.

Но Ду Юньтин и не думал уходить. Он вертелся рядом, то забегая вперед, то пристраиваясь сбоку. Солнце припекало всё сильнее, и вскоре щеки юноши залил густой румянец.

Гу Ли не выдержал. Он нашел соломенную шляпу и бесцеремонно нахлобучил её на голову Юньтину. Шляпа была велика, и юноше пришлось придерживать её рукой, чтобы она не сползла на самые глаза. Из-под широких полей виднелась лишь нижняя часть его лица — изящный подбородок и аккуратный рот; само личико казалось совсем крошечным. Мужчина некоторое время разглядывал его, а затем вдруг протянул руку, словно сравнивая размеры. Оно было даже меньше его ладони.

Гу Ли тут же убрал руку и снова вернулся к работе.

Он справлялся со всем в разы быстрее Ду Юньтина, совершенно не умеющего работать. Спустя час всё зерно было перемолото. Мужчина вытер пот со лба полотенцем, а маленький чжицин, всё это время стоявший рядом, замахал веером еще усерднее.

Поставив корзину на место, Гу Ли спросил:

— На утро дел больше нет?

Ду Юньтин помотал головой, продолжая преданно стоять у порога его лачуги.

Мужчина помолчал, а затем негромко произнес:

— Зайдешь? Присядешь?

Юньтин только этого и ждал. Он мгновенно юркнул внутрь лачуги.

Места там было совсем мало — жилище явно не предназначалось для долгого пребывания, и сквозь щели в стенах вовсю гулял ветер. Однако Гу Ли умудрился навести здесь идеальный порядок: одеяло было сложено ровно, угол к углу, и в целом всё выглядело на редкость опрятным.

Армейский мешок, с которым мужчина вернулся в деревню, всё так же лежал в углу, занимая добрую половину и без того тесного пространства.

Ду Юньтин устроился на маленькой табуретке, и хозяин дома налил ему воды.

— Спасибо.

«Трус Ду» принял кружку обеими руками, сделал глоток и мысленно обратился к Системе:

«Сяо Лю, посмотри. Кажется, это личная кружка господина Гу»

[С чего ты взял?] — отозвалась 7777.

«Это точно его кружка» — уверенно заявил Юньтин.

[Потому что других здесь нет?]

«Нет, — поправил её юноша. — Потому что вода в ней сладкая»

[...] — Заткнись.

Пока он пил, мужчина молча достал из кармана горсть конфет. Ду Юньтин никогда раньше не

видел такой обертки. В эти годы сладости были редкостью и ценились на вес золота; обычно их берегли к Новому году, чтобы раздать детям. Гу Ли же высыпал ему целую горсть, так что карманы юноши едва не лопались.

Ду Юньтин тут же развернул одну и принялся за еду.

У изголовья кровати он заметил стопку книг, перевязанную бечевкой — видимо, Гу Ли привез их из части.

— Второй брат Гу, а можно мне одолжить у тебя что-нибудь почитать?

Тот кивнул, подтянул стопку поближе и развязал узел, позволяя Юньтину выбирать. Тот выудил сборник классической поэзии и, когда пришло время уходить, прихватил его с собой.

Деревенские ночи были полны гнуса. Его сосед по комнате на этот раз не слышал плача, но от комаров страдал невыносимо: всю ночь он ворочался и крутился с боку на бок, как лепешка на сковородке. Ду Юньтин же спал крепко, хотя наутро и на его теле обнаружилось несколько зудящих укусов.

— Просто невозможно спать! — жаловался за завтраком другой чжицин. — Закроешь глаза, а эти твари тебя того и гляди из хаты вынесут.

Остальные выглядели не лучше: лица помятые, вид изнуренный. Прошло всего два дня, а для городских неженков деревенская жизнь уже превратилась в суровое испытание — работа выматывала, а условия жизни были за гранью привычного. За это короткое время у многих кожа на плечах и спине уже начала облезать.

Ду Юньтин же, вопреки всему, оставался свежим и гладким.

Весь секрет крылся во втором флаконе лосьона для тела, который он с боем выпросил в кредит у Системы. В конце концов, «маленький небожитель» не мог позволить себе такую вульгарность, как солнечные ожоги.

Среди товарищей с их пылающими лицами Ду Юньтин выделялся сильнее всех — он выглядел даже краше местных девушек. На нем по-прежнему красовалась соломенная шляпа Гу Ли, завязанная под подбородком, что придавало ему на редкость кроткий вид.

Сосед-чжицин уставился на него с нескрываемым любопытством:

— Юй Хань, а ты чего это? У тебя кожа совсем не облезла.

— Наверное, я просто привычный к солнцу, — невозмутимо отозвался Юньтин.

Товарищи лишь завистливо вздыхали. Даже Гао Ли, всегда полная боевого задора, сегодня выглядела подавленной: как и любая девушка, она переживала за свою внешность, боясь, что лицо покроется веснушками.

Вечером в деревне устроили представление — давали образцовую оперу. Это зрелище сельчане видели сотни раз, знали каждый поворот сюжета, а старики и вовсе помнили все реплики наизусть, беззвучно шевеля губами в такт актерам.

Особенно бурно зал реагировал на «Седовласая девушка». Деревня буквально кипела от праведного гнева.

Актриса, игравшая главную роль, была совсем молода. Её длинная коса при каждом движении ритмично раскачивалась за спиной. Деревенские мужики не сводили с неё глаз; чжицины тоже не остались в стороне, жадно разглядывая гибкий стан девушки.

Девушки-чжицины, напротив, целиком ушли в сюжет, искренне сочувствуя горькой доле героини.

Ду Юньтин на сцену почти не смотрел — его взгляд блуждал по толпе в поисках знакомого силуэта. Вдруг кто-то из парней-соседей легонько толкнул его локтем в плечо.

— Слышь, говорят, эта артистка из соседней деревни.

— Возможно, — равнодушно отозвался Юньтин.

— Совсем молоденькая, — причмокнул губами чжицин. — Жаль будет, если её уже успели сосватать.

Ду Юньтин уловил в его словах нехороший подтекст и внимательно посмотрел на него.

— Ты чего? — удивился парень.

— Я помню, ты говорил, что хочешь вернуться в город как можно скорее, — ровно произнес Юньтин.

«Эта девушка — деревенская. Если ты её охмуришь, а потом уедешь и бросишь — что это будет за поступок?»

— Да я так, просто к слову пришлось, — стушевался Сунь Гоцян. — Чего ты так серьезно всё воспринимаешь?

Ду Юньтин не считал, что это «просто к слову».

Он не был наивным простаком и прекрасно знал, сколько бед случалось в те годы, когда городская молодежь оказывалась в деревнях. Опасность грозила не только девушкам-чжицинам, чья безопасность была под вопросом, но и местным девчонкам — ведь чужая душа потёмки. За маской добродушного парня мог скрываться кто угодно, и никто не знал, насколько черно его сердце.

Гао Ли, сидевшая рядом, тоже слышала этот разговор и тут же отрезала:

— Сунь Гоцян, даже не думай о таких вещах! Подобные замашки — это черта разложившихся элементов. Если ты начнешь крутить сомнительные романы, то опозоришь весь наш отряд.

Парень вспыхнул, вскочил с места и огрызнулся:

— Сказал-то всего пару слов, а ты уже возомнила себя невесть кем! Думаешь, можешь меня поучать? Совсем с ума сошла!

Он развернулся и зашагал прочь из толпы. Гао Ли некоторое время смотрела ему в спину, а затем молча отвела взгляд.

Ду Юньтину стало жаль девушку:

— Не принимай близко к сердцу.

— Всё в порядке, — буркнула Гао Ли, чертя носком ботинка по земле. — Пускай говорит что хочет. Я — командир, я несу ответственность и обязана предупреждать о последствиях.

Юньтин невольно проникся уважением к её стойкости.

Сама же Гао Ли после его слов поддержки явно потеплела к нему и до самого конца спектакля то и дело заговаривала с ним о всяких пустяках.

Вдруг на другом краю площади Ду Юньтин заметил знакомую фигуру.

— Пойду, мне нужно коекого найти, — бросил он.

Он начал пробираться сквозь толпу, направляясь напрямиком к цели. Гао Ли проследила за его путем и увидела статного мужчину. Тот стоял, выпрямившись как струна, и на фоне остальных деревенских мужиков, которые поснимали рубахи и вовсю обмахивались веерами, выглядел настоящим аристократом духа. Да и ноги у него были длинные, как у журавля.

Юноша подошел к нему, они о чем-то заговорили и вскоре, плечом к плечу, медленно скрылись в темноте, подальше от шумного сборища.

Вообще-то Гу Ли не собирался идти на оперу.

Всё это он видел уже сотню раз, ничего нового. Но секретарь обмолвился, что вся городская молодежь будет там, и он подумывает отобрать самых талантливых для создания драмкружка.

И ноги сами принесли мужчину на площадь. Среди колышущегося человеческого моря он мгновенно узнал маленького чжицина — казалось, даже затылок этого мальчишки был узнаваем из тысячи.

Только вот юноша в тот момент был увлечен беседой с кем-то другим и на него даже не взглянул.

Гу Ли некоторое время наблюдал за ним. Девушка, с которой болтал Юньтин, была вполне миловидной, и со стороны они смотрелись очень гармонично. Оба городские, наверняка им было о чем поговорить.

...Почему-то эта мысль вызвала у мужчины глухое раздражение.

Он и сам понимал, насколько это нелепо. Хоть маленький чжицин и казался ему странно знакомым, они знали друг друга от силы пару дней. Откуда в нем взялось это непонятное чувство собственности, которое вдруг заполнило всё его существо?

И теперь, глядя в чистые, ясные глаза юноши, который, казалось, и не подозревал о его мрачных мыслях, Гу Ли почувствовал, как это странное желание контролировать каждый шаг мальчишки только усиливается.

— Второй брат Гу, — Ду Юньтин поравнялся с ним. — Ты чего оперу не слушаешь?

— Слышал уже, — коротко бросил тот.

— А-а... — протянул Юньтин. — Слушай, я хотел сходить за фруктовым льдом. Составишь компанию?

«Зачем ему компания, чтобы купить лед?» — эта мысль промелькнула в голове, но вслух не сорвалась. Мужчина молча зашагал рядом, следуя за ним прочь от толпы.

Торговец стоял у самого края площади. Его маленький ящик был бережно укрыт ватным одеялом, чтобы сохранить холод.

Ду Юньтин взял две палочки льда, и Гу Ли, не проронив ни слова, первым достал деньги.

Юноша протянул ему одну, а свою тут же принялся есть.

Ел он её с особым изяществом — не кусал, как остальные, а медленно облизывал и смаковал, явно преследуя какую-то свою коварную цель. Взгляд спутника, словно прикованный, следил за каждым его движением. Мужчина почти забыл про свое собственное лакомство; он смотрел на юношу довольно долго, пока наконец не нахмурился и не отвернулся, бросив:

— Ешь нормально.

«Трус Ду» лишь прикусил ледяную палочку и мысленно хихикнул.

Система: [...]

«Боже, как же хочется его стукнуть...»

Не успели они отойти, как рядом раздался голос:

— И мне парочку дай.

Гу Ли взглянул на подошедшего, и его лицо мгновенно изменилось. Ду Юньтин тоже покосился в сторону. К лотку подошел парень, на вид ровесник Юньтина, а рядом с ним — какая-то девушка. Этих двоих чжицинов еще не видел.

Парень уставился на Гу Ли с нескрываемой неприязнью и язвительно бросил:

— Глядите-ка, подъемных в глаза не видел, а на угощения деньги нашел?

После этой фразы Ду Юньтин сразу понял, кто перед ним. Видимо, это и был тот самый младший брат Гу Ли.

Мужчина глухо произнес:

— Гу Цян.

— И что? — огрызнулся тот, задирая подбородок. — Думаешь, я промолчу? Откуда у тебя такие

деньжищи, а?!

Девушка рядом с ним робко потянула его за рукав:

— Ладно тебе, не надо...

— Чего это «не надо»?! — Гу Цян выхватил лед, не переставая изливать желчь. — Родителей ты не кормишь, денег в дом не принес... Какой от тебя вообще толк? Как был никчемным, так и остался.

Не успело замолкнуть последнее слово, как Ду Юньтин шагнул вперед и наотмашь влепил парню звонкую пощечину.

Удар был такой силы, что Гу Цян опешил, а его лакомство шмякнулось в пыль. Спутница истошно завизжала, но Ду Юньтин холодно оборвал её:

— Хватит орать, ты даже в ноты оперные не попадаешь.

Гу Цян наконец пришел в себя, всё еще не веря в случившееся:

— Ты... ты ударил меня?

— А почему мне нельзя тебя бить? — парировал Ду Юньтин. — Таких, как ты, разложившихся элементов, все должны бить!

Оппонент мог не знать многого, но он прекрасно понимал: клеймо «разложившегося элемента» в наше время — это приговор. За такое могут и на публичное порицание вытащить.

— Какой я тебе элемент?! — выкрикнул он.

Ду Юньтин холодно усмехнулся и принялся чеканить аргументы:

— Кто призывал его в армию? Партия! Это был долг перед Родиной во имя высшей справедливости! Государство наградило его, а ты смеешь попрекать тем, что он в это время не кормил родителей? Значит, для тебя мелкие личные интересы важнее интересов страны? Разве это не гнилой капиталистический подход, достойный осуждения?

Гу Цян онемел:

— Я...

Ду Юньтин не дал ему вставить и слова:

— Товарищ Гу Ли всегда проявлял солидарность и помогал ближним, именно этому учит нас правительство! А ты называешь его никчемным за то, что он не принес денег? Уж не хромает ли у тебя твоя идеологическая сознательность?

Парень стоял с открытым ртом, совершенно раздавленный этим напором. Спустя минуту он только и смог выдать:

— Но если он без гроша вернулся, на что мне и старшему брату невест в дом вводить?

Ду Юньтин едва не расхохотался:

— А с какой стати он должен оплачивать твою женитьбу?

Гу Цян ответил с непоколебимой уверенностью:

— Он — мой брат, конечно он должен!

Маленький чжицин презрительно скривился:

— Он тебе брат, а не отец родной.

— ... — Оппонент готов был лопнуть от ярости. Этот мальчишка на вид казался тихим и безобидным, откуда в нем столько яда?!

Он долго не мог подобрать слов и в конце концов лишь злобно выплюнул:

— Черт с вами! Так жить нельзя — делим имущество!

«Делим так делим», — подумал Ду Юньтин. Для господина Гу это было бы только благом. Избавившись от этой оравы прилипал и кровососов, он заживет куда лучше прежнего.

Однако Юньтин не мог решать за мужчину, поэтому вопросительно взглянул на него.

Гу Ли плотно сжал губы и коротко бросил:

— Делим.

Гу Цян, продолжая сквернословить, развернулся, чтобы уйти, но Ду Юньтин окликнул его:

— Эй, товарищ!

— Чего еще? — огрызнулся тот. — Семейю мы поделим, и больше он нам не родственник. Пусть и на порог не показывается!

Ду Юньтин с самым невинным видом добавил:

— Да нет, я про другое. Товарищ, ты за фруктовый лед забыл заплатить.

— ...

— Раз уж мы теперь не одна семья, то за эти две палочки ты должен заплатить сам, не находишь?

Гу Цян не поверил своим ушам:

— Ты хочешь, чтобы я за это платил?!

Он был единственным младшим братом Гу Ли!

Он взглянул на брата, но тот не проронил ни слова в его защиту, лишь отвел глаза. Маленький чжицин увлек мужчину за собой, и они, не оборачиваясь, зашагали прочь.

Младшему брату ничего не оставалось, как лезть за деньгами, задыхаясь от злобы.

«Делим имущество! Ни копейки этому уроду не оставлю!»

В этот момент Ду Юньтин думал точно так же.

«Разделяемся. Ни копейки этим паразитам не оставим».

Ему даже не нужно было спрашивать, сколько обид накопилось у Гу Ли. Его отправили в армию только потому, что родители его не любили, а он все эти годы слал домой каждое заработанное жалованье, содержа всю эту ораву.

И вот итог: стоило ему вернуться без денег, как его в тот же день вышвырнули за дверь. Родная семья не пустила его на порог, заставив ютиться в жалкой лачуге у коровника.

От этих мыслей у Юньтина защемило сердце. Боясь, что спутник слишком расстроен, он осторожно потянул его за край одежды.

Этот слабый, почти невесомый жест заставил сердце Гу Ли пропустить удар.

— Второй брат Гу, — тихо позвал юноша. — Ты как? Всё в порядке?

Мужчина помедлил, а затем продолжил путь.

— Всё в порядке, — ровно ответил он. — Их давно следовало проучить.

Он слишком долго не был дома и не представлял, во что превратилась его семья. Всё, о чем они грезили — это его выходное пособие, на которое собирались женить сыновей и покупать обновки.

Но для Гу Ли это были деньги его бойцов, его братьев по оружию. Дело было не в сумме, а в жизни его товарищей.

Он не мог поступить иначе.

Мужчина не считал свой поступок ошибкой. Ошибка была лишь в том, что все эти годы он позволял родным принимать его помощь как должное, вырастив под своим боком семейку иждивенцев.

Однако то, что маленький чжицин так яростно вступился за него, искренне удивило Гу Ли.

Он покосился на юношу. Тот, казалось, вовсе не замечал его взгляда и уже вовсю строил планы на будущее, говоря так по-свойски, будто они были самыми близкими людьми:

— Второй брат Гу, нельзя оставлять деньги этим старикам. Те денежные переводы, что ты присылал раньше — нужно всё потребовать назад. Это ведь твои кровные средства, заработанные потом и кровью.

Мысль о том, что эти неблагодарные твари будут и дальше жить припеваючи за счет Гу Ли, приводила Юньтина в бешенство.

Он и не заметил, как внимательно мужчина смотрит на него.

— Может, найдем кого-нибудь... — начал он, но не успел договорить.

Позади послышался топот и запыхавшийся голос:

— Товарищ Гу Ли! Подождите минуту!

Оба остановились. К ним подбежал «Святоша Бай». Он взглянул на Гу Ли и затараторил:

— Товарищ Гу Ли, я слышал, у тебя тут с братом вышел конфликт...

Ду Юньтин в сердцах подумал: «Этот парень что, ищейка? Почему он вечно сует свой нос куда не просят?»

Бай Цзяньшэн же был абсолютно уверен в своей правоте. Он считал себя голосом совести всей деревни и считал своим долгом вмешаться.

— Послушай, товарищ Гу Ли, я не стану тебя ни в чем убеждать, но подумай сам: твои родители вырастили тебя в тяжелые годы, делились последним куском хлеба... Разве можно вот так просто, из-за одного спора, бросать семью?

У Ду Юньтина от ярости застучало в висках.

«Опять! Опять он завел свою святошу-логику!»

<http://bllate.org/book/15364/1411501>